

Когда окончены были все приготовления, вслед затем началась и сама осада.

«Иерусалим, говорит Ибн-Алатир, был городом весьма укрепленным. Пападение началось с севера, близ ворот Алсуда или Колонны, недалеко от Сионского храма. Именно там паходилась ставка султана. Машины были устроены ночью, а приступ произошел на следующий день, 20 реджеба. Франки обнаружили сначала большую храбрость. С обеих сторон смотрели на эту войну как на священную. Не было надобности в убеждении со стороны предводителей, для воодушевления войск: все бесстрашно защищали свой пост, все нападали, не думая об отступлении. Осажденные делали вылазки ежедневно и спускались в равнину.

Во время одного приступа был убит знатный эмир, и мусульмане, бросившись вперед, как один человек, для отомщения его смерти, обратили христиан в бегство; потом они приблизились ко рвам укрепления и сделали пролом. Стрелки, расставленные по соседству, сбивали христиан стрелами с укреплений и прикрывали рабочих. В то же время готовили подкоп; когда все было сделано, подложили бревен и зажгли их. Ввиду такой опасности вожди христиан решились сдаться. К Саладину были отправлены важнейшие из граждан, и он им отвечал: «Я поступаю с вами так, как христиане поступили с мусульманами, когда взяли святой город, то есть, я прикажу убить мужчин, а остальное обращу в рабство; одним словом, воздам злом за зло». При таком ответе Балиан, сын Басрана, начальствовавший в Иерусалиме, просил охранной грамоты, чтобы самому вести переговоры с султаном. Его просьба была исполнена. Он явился к Саладину и сделал ему мирные предложения. Саладин оставался непреклонным, и он унился до просьбы и мольбы. По увидев, что султан не обращает ни на что внимания, он отложил в сторону кротость и сказал: «Знай же, султан что мы бесчисленны, и одному Богу известно, сколько нас. Жители не хотят бороться только потому, что падеются на сдачу, как то было допущено многим другим. Они не хотят смерти и желают жизни, но если смерть сделается неизбежной, то клянусь

Богом: мы умертвим наших жен и детей; мы истребим все имущество, не оставив вам ни одной монеты. Вы не пойдете ни женщины для рабства, ни мужчин для цепей. Мы разрушим мечеть Алакса и другие святые места. Мы переотрежем всех мусульман, которые в числе пяти тысяч пахоятся у нас в плену. Мы не оставим ни одного выючного животного. Мы выступим против вас: мы будем драться, как дерутся, защищая жизнь. Много падет ваших на каждого из нас. Мы умрем свободными или со славою восторжествоуем». После этих слов Саладин совещался с эмирами, которые подали голос в пользу сдачи на условиях. «Христиане, – говорили они, – должны выйти из города пешими и не уносить с собой ничего, не показав нам. Мы будем рассматривать их как своих пленников, и пусть они выкупаются за определенную цену». Саладин совершенно согласился с этим. Было условлено с христианами, что каждый горожанин, бедный или богатый, заплатит за себя 10 золотых монет; женщины – пять и дети обо-его пола – две. Сроком уплаты этой дани назначили 40 дней. После же того все, не взнесенные деньги, будут обращены в рабов. Но, заплатив дань, каждый получает свободу и может идти куда пожелает. Относительно бедных жителей города, число которых было определено приблизительно до 18 тысяч, Балиан обязался внести за них 30 тысяч золотых монет. После заключения таких условий, святой город открыл свои ворота, и мусульманское знамя водрузилось на его стенах. Все это происходило 24 реджеба (начало октября 1187 г.¹).

Вслед затем Саладин вступил с войсками в Иерусалим.

«Этот день, – говорит Эмадеддин, – был днем торжества для мусульман. Султан приказал устроить за городом палатку для принятия поздравлений от вельмож, эмиров, софи и законников. Сам он восседал скромно, по сохраняя всю важность; радость блистала на его лице, ибо он надеялся снискать великую славу за овладение святым городом. Двери его ставки были открыты для всех, и

¹ Из этого следует, что осада Иерусалима Саладином продолжалась всего 4 дня.